Сезон дождей

Автор:
Сергей Ихатов

Сезон дождей

Сергей Ихатов

Это рассказ о девушке, память которой вымыл дождь. О мужчине, который возвращает историям право быть рассказанными до конца. И о мире, в котором день за днем оказывается, что конец света случился позавчера.

Сергей Ихатов

Сезон дождей

Когда облака будут полны, то они прольют на землю дождь; и если упадет дерево на юг или на север, то оно там и останется, куда упадет. Кто наблюдает ветер, тому не сеять; И кто смотрит на облака, тому не жать.

Экклезиаст

I bleed by the black stream

For my torn bough!

ДжеймсДжойс

Сад ценителя утонченной красоты, где все деревья были уничтожены огнем. Еще остается пруд, но ряска и водяные травы уже начали глушить его…

Сэй Сёнагон

Дождь первый

Возвращение

Дождь обещает быть бесконечным, но она и не думает уходить. Только мерцает под его покровом. Фигура этой одинокой девушки здесь, как аппликация, вырезанная чьими-то неумелыми руками. Границы пейзажа размыты плотной водной рябью. Дом, на пороге которого она замерла, не принадлежит ей и вряд ли что-то вообще ей принадлежит. Она кажется нереальной, ускользающей.

Темные завитки волос, как чернильные пятна, стекающие на бумажно-белую кожу. Взгляд, прикованный к пятнам грязи на носках кроссовок. Пальцы с побелевшими костяшками, сжимающие растянутые рукава кофты. Изгиб ее тела как буква, замершая на холодной и сырой горизонтали деревянного порога. Капли дождя падают на волосы и лицо, пропитывают собой джинсы, рубашку и кофту с капюшоном, но не смывают девушку со строки. Таковы аргументы в пользу ее реальности.

Последний и окончательный аргумент появится позже. Сначала в ладонях, а потом и во всем теле. Погасшее, но знакомое ощущение тепла.

Как на театральной сцене, отдергивая занавеску дождя, рядом с домом появляется другая человеческая фигура. Держится где-то у границы зрения, будто намеренно жмется к краям. Потом выскальзывает куда-то за пределы поворота глазного яблока, но одинокая девушка, сидящая на пороге чужого дома, и так не смотрит. Когда фигура оказывается в шаге от нее, девушка продолжает блуждать взглядом по своим кроссовкам. Даже в ртутной

поверхности луж можно увидеть, что в этом человеке что-то неправильно.

Для простоты далее он будет называться «книжником».

Он разглядывает незнакомку на пороге его дома. Как печально пропасть ночью сезона дождей, чтобы застать утро насквозь мокрой. Даже память и личность вымыты холодной водой. Такое уже случалось когда-то. Незнакомцы и незнакомки, которым нужно открыть дверь. Спрятать от дождя. Выслушать вопросы, на которые нет ответов. Открыть дверь еще раз, когда они захотят уйти.

Ремень от корзины впивается книжнику в плечо. Насыщенный влагой воздух подчеркивает запах земли и хвои, которые источает маленькая сосна в корзине.

Девушка не двигается с места, когда хозяин дома подходит к порогу и приоткрывает дверь. Ему сложно протиснуться внутрь, но он не хочет беспокоить гостью ударом полотна в спину.

Щелкает выключатель, генератор начинает протяжное «ом-м-м», в доме загорается свет. Корзина с ростком сосны ложится на ведро. Капли воды, окрашенные коричневой мутью, стучат по жестяному дну. Соскальзывает назад капюшон, открывая усталое лицо. Левая ладонь книжника обхватывает пустой правый рукав и выкручивает его, отжимая воду. От манжеты и выше, пока ладонь не касается культи. Правая рука книжника исчезает там, где должен быть локоть.

Вздох. Ладонь массирует плечо. Во время дождя оно всегда ноет. Еще один вздох. На тумбу ложится распечатанное письмо. Книжник идет вглубь дома. Половицы поскрипывают, когда он проходит мимо кабинета. Дальше и налево, на кухню.

«Спасибо»

Книжник снимает свистящий чайник с огня. Долго отмывает кружку от чайного загара. Горстка листьев утопает в кипятке. Пока вода темнеет, книжник напевает строки старой песни. Приходится повторять их несколько раз, прежде чем слова обретают должную форму. Сказывается длительное молчание. Пальцы легко постукивают по кружке, отбивая ритм.

Книжник садится на пороге рядом с девушкой, протягивает ей кружку с горячим чаем. Холодные капли падают за воротник и катятся по его спине. Гостья остается неподвижной. В луже на каменной дорожке ее отражение распадается и собирается обратно под ударами капель. Ни рассмотреть лицо, ни поймать взгляд. Внезапно книжник чувствует касание пальцев, которые обхватывают кружку. Девушка подносит ее ко рту, едва касается губами края, несколько раз дует, расплющивания облачко пара. Подтягивает рукава, чтобы они закрывали внутреннюю сторону ладоней и делает первый глоток. Тихий и быстрый выдох. Сквозь завесу волос мелькает улыбка.

Незнакомка морщит нос, пару раз моргает, а затем оглушительно чихает. Чашка выпадает из рук и горячая жидкость проливается. Стоная от боли, девушка прячет обожженные ладони в рукавах. Она послушно поднимается, когда книжник хватает ее за локоть и тянет туда, где с крыши стекает струя дождевой воды. Позволяет омыть руки и затащить себя в дом. Стоит в центре комнаты и чуть вздрагивает, когда книжник громко хлопает шкафчиками и дверцами на кухне. Баюкает покрасневшие ладони и прикладывает к влажной кофте.

– Ты? Ищешь? – хриплый и далекий голос у него за спиной.

– Мазь. Чтобы… Было не больно.

Она долго смотрит на него. Губы несколько раз складываются в одну и ту же фигуру, пока нужное слово не слетает с них.

– Спасибо.

Девушка по очереди дует на блестящие от мази ладони. Пока на пол летит обертка от бинта, книжник соглашается.

– Да. Спасибо мне.

Даже эхо не приходит в гости

Шум воды, которая набирается в деревянную купель, затем влажное хлюпанье ткани. Книжник быстро бормочет, помогая гостье стянуть верхнюю одежду, а потом обматывает ее в кокон из одеял. Пока он ведет ее в ванную, девушка подбирает одеяла как юбки, обнажая покрытые грязью щиколотки. Она сжимает и разжимает окоченевшие пальцы ног, выслушивает инструкции о том, как пользоваться купелью, мылом, расческой, зубной щеткой и порошком. Несколько раз книжник повторяет, что ей не следует опускать руки в горячую воду. Закрывает за гостьей дверь в ванную и недолго прислушивается. Слышит шелест, а потом плеск.

Сбежавшая тишина возвращается настороженно, обнюхивая каждый угол. Дом давно не слышал слов, даже эхо давно не приходило в гости. Вторжение не осталось без последствий: открытая нараспашку входная дверь, обрывки упаковок от бинтов и мази, сваленная в кучу мокрая одежда.

Она выходит из ванной в джинсах, футболке и рубашке. Расчесанные волосы немного волнятся, пахнут мылом напополам с дождем. Покрасневшая и сонная, гостья торопливо выпивает предложенную ей чашку супа. В большой комнате немедленно падает на диван, подтягивает к себе все одеяла, зарывается в них и засыпает. Спит весь день и еще большую часть следующего. Ее глаза открываются только вечером. Девушка разлепляет губы, еле слышно просит воды. Выпивает два больших стакана и вновь засыпает.

Книжника ждет неоконченная книга, в которой не хватает около десятка страниц, но пока он остается в гостиной. Прибирается, откладывает одежду, которую может отдать гостье. Иногда подходит к дивану, чтобы проверить как она спит. Взгляд на свернувшуюся клубком фигуру с каждым разом становится все дольше, задерживается на утопающем в одеялах лице. Рука тянется вперед, чтобы откинуть темные локоны в сторону, но останавливается.

Ее лицо может показаться знакомым. Как и любое другое лицо. Сейчас все они выглядят одинаковыми, как затасканные символы, вышедшие в тираж образы. Можно ли удивляться такому узнаванию, когда символы померкли, образы распались, а тиражи размокли бумажной кашей под напором бесконечных дождей? Книжник отворачивается.

Ему нужно закончить с книгой. Он идет в кабинет и сразу же отвлекается на письмо, которое оставил на тумбе. Перечитывает его и включает лампы, согревающие деревья-бонсай. Поправляет проволоку, которая задает направление роста ветвей, проверяет чистоту искусственного грунта. Внимательно обследует сосну, которую только что принес.

Все ошибки в уходе за бонсай тщательно продуманы. Формальные правила не соблюдены. Двум деревьям задана оригинальная форма, плавающая между чоккан и бундзин. Может быть, есть что-то от мойоги.

Она просыпается рано, когда темнота за окном уже разбавлена каплей молока. Ее взгляд бежит от окна к прикроватному столику, от входной двери к тумбе и дальше. Это долгий марафон. В полумраке взгляду приходится оббегать каждую линию, форму и фигуру, чтобы убедиться, что это не человек. Финишной чертой оказывается тонкая полоска света, которая тянется из приоткрытой двери кабинета.

Реконструкция

Перед тем как повернуть на кухню, направо. Шаг внутрь, справа на стене выключатель. Щелчок, вспышка слепоты, потом интерьер кабинета начинает проступать. Вот что увидят глаза, слева направо.

Стол, укрытый листопадом вырезанных страниц. У левого края на подставке разложена и закреплена книга. Экземпляр, уже прошедший вскрытие и вивисекцию. Почти всю стену занимает школьная доска. На ней развешаны страницы книг, будто запутавшиеся в паутине меловых линий. Стеллаж, забитый похудевшими томами, которым велики собственные обложки. Каждый лист

набран разной гарнитурой, написан другим языком и рассказывает иную историю. Ветер перемен вырвал их у всех книг вселенско-вавилонской библиотеки и перетасовал.

На одной из полок лежит распухшая толстая тетрадь. Если убрать резинку, которой она перетянута, тетрадь выгнет спину как перепуганная кошка. В ней мелким и неразборчивым почерком вынужденного левши записаны краткие содержания и тезисы, список действующих лиц и используемая терминология, первая и последняя фраза реконструированной книги, восстановленной истории. Для еще незаконченных книг размечены возможные схемы развития сюжета, мысли, догадки и предположения.

Это работа книжника – восстановить перепутанные и смешанные истории. Вернуть каждой из них право быть рассказанной до конца.

Открыть книгу и взять нож. Разрезать нити, которые скрепляют тетради в книге. Потом разрезать листы по линии сгиба. Потом читать. И читать еще раз. Смотреть и искать, вспоминать и листать другие книги. Скорее всего, ничего не найдется и ничего не вспомнится. Страница отправится на доску, повиснет на магните, ожидая продолжения. Другая страница ляжет в стопку, рядом с будущими и прошлыми соседями. Понадобится время, чтобы она нашла свое место. Потом, по отдельным страницам, книга соберется целиком. История вернется в том виде, в каком она была до того, как все закончилось.

Книжник сядет за стол и начнет реконструкцию. Если внутренние поля достаточно широкие, он склеит листы в развороты – бумажная полоса между ними и мазок бумажного клея. Еще раз. Полоска бумаги и клей. Приставит листы друг к другу, проведет кистью и положит полоску бумаги. Потом еще раз клей. Развороты подсохнут и по ним можно будет пройтись утюгом. Потом нитка и иголка. Упираясь наперстком в иглу, он будет сшивать тетрадь. Потом еще одну и другую. После этого… уже не важно. Скучные подробности однообразной работы.

Можно спросить у книжника, в чем смысл этого. В чем идеология и последовательный метод такого занятия. Зачем возвращать историям право на рассказ, если все уже закончилось? Для чего и для кого эта работа? Отчасти ее

питает надежда, что этот реконструированный вариант станет образцом, по которому книгу будут копировать. Но, скорее всего, она останется в единственном экземпляре. Может быть, сам книжник ответит, что его работа не направлена ни на что и ни на кого. У нее нет идеологии и метода. Он занимается этим лишь потому, что больше заняться нечем.

Игра первая: имена на каждый день

Днем она бродит по комнатам, касается вещей и мебели, пробует вспоминать. Сейчас она не умеет пользоваться даже столовыми приборами и завязывать шнурки на кроссовках. Иногда не понимает простые вещи, вроде стола, потолка и чашки. Не только названия, но и их функции, место в мире, связи и причины.

Однажды она спрашивает, почему они не ходят вверх ногами? Книжник не знает, что ей ответить. Чуть позже он находит ее в гостиной, где она листает одну из восстановленных им книг.

– Возможно, что мы ходим вверх ногами, но выглядит это так, будто бы мы ходим ногами вниз. Понимаешь? Точка зрения решает все.

– Почему… вода не льется… сквозь чашку? И почему… сквозь нее… проходит свет?

Немного помогают книги, потому что она сохранила навык чтения. Хотя многие слова, даже простые, заставляют ее взгляд споткнуться. Вопросов становится больше. Все чаще он отвечает ей «не знаю».

После нескольких страниц очередной книги она зовет его.

– Ты? – ее указательный палец направлен на книжника.

Он кивает.

– Я? – теперь палец указывает на нее.

Вновь кивок.

– Почему не наоборот?

Часами она разглядывает бонсай, которые бросились ей в глаза почти сразу же после пробуждения. Она рассматривает их, касается листьев, кончиками пальцев проводит по проволочным каркасам из меди.

– Что это?

– Деревья, выращенные в подносе.

– Зачем?

– Чтобы они приняли нужную форму и не разрослись.

– Нужную… это как?

– Так, как я хочу.

– Почему хочешь ты, а растут они?

Он не учит ее, не говорит как правильно, а разрешает вести себя так, как ей хочется. Она будто возвращается, падает в собственную человечность. Привыкает, что в комнатах четыре стены, пол внизу, а небо наверху, что дождь идет со стороны потолка к полу, а в ванну лучше забираться без одежды. Последний тезис некому оспорить, поэтому книжник держится за него, как за конечную истину.

На следующий день, вычитав об этом в книге, девушка вспоминает что такое имя. Но не помнит своего. Она рассказывает об этом книжнику, пока он снимает

бинты с ее ладоней.

– Должно быть имя.

– Да, должно. Почти у всего и у всех есть имя.

– Твое имя?

– Ммм… Я же сказал, почти у всех.

– Мое имя?

– Мы можем подумать над этим вместе.

– Ты хочешь имя… для себя?

– Нет. Называй меня книжником. Это тот, кто занимается книгами.

Изобретение имени стало почти ритуалом для всех, кто пропал в ночь сезона дождей и потерял в этой ночи себя. Книжник предлагает гостье смотреть на это как на игру. Можно дать имя и название чему угодно, изменить его по настроению, не обязывая к чему-либо ни себя, ни других.

Он придумал несколько игр. Самая простая: выбрать наугад одно из тех имен, которые он и она встречали в книгах. Книжник предупреждает, что это имя не будет совсем настоящим. Настоящее нужно попытаться вспомнить.

В день, когда она просыпается и рассматривает тонкую иглу света на полу, книжник проводит обследование. Оценивает слух и зрение гостьи, двигательные функции и вербальные. Целенаправленные действия с предметами удаются плохо, если ранее он не показал, как пользоваться этими предметами. Речь разборчивая, хоть гостье пока удаются только короткие фразы. На вопросы о том, как ее зовут, где она живет и как называется этот предмет на полке (старая кофемолка, в которой он готовит зубной порошок из мела, соды, угля и сухих трав), она не может ответить. С аффективными ответами все в порядке. Настораживают только ответы о самочувствии. С

трудом девушка подбирает слова, в которые, как в форму, вкладывает переживания и следит, чтобы они как можно плотнее умещались в нее. Слова приходится восстанавливать по буквам и в итоге получается две формы для переживаний: «тревожно» и «грустно».

В корзинке лежит горсть маленьких листков с именами. Спустя череду попыток, они выясняют, что мужские имена ей не нравятся. Она морщит нос, когда примеряет их на себя.

– Плохо звучит и будто колется.

Некоторые имена она читает сама, некоторые для нее читает он. Ни одно из них не нравится ей настолько, чтобы согласиться с ним навсегда. Она говорит, что идея «навсегда» тоже плохо звучит и колется. Поэтому они ограничиваются одним днем для каждого имени.

Первым она примеряет имя Вероника.

На следующий день он предлагает ей:

– Найдем имя, в котором будет столько же букв, сколько птиц ты сегодня увидишь в окне?

Так она становится Эльзой.

Потом, когда ей нравятся сразу два имени, она засыпает Делайлой, а просыпается вечером Лилианой.

Она настаивает, чтобы каждое утро ее звали иначе. Вечером, перед тем как лечь спать, они договариваются о новом имени на следующий день. Примерка продолжается и успевает немного утомить их.

Она выходит из ванной и падает в гору одеял. Тем самым лишает книжника места для сна. Пока она спит, он делает для нее постель у окна, на низком и широком подоконнике. Пара бессонных ночей, полных запутанных и бессвязных кошмаров и гостья отказывается спать там. Книжник уступает ей диван, на который она забирается и закутывается в неисчислимое количество одеял. Теперь он сам спит на окне. Засыпает и просыпается под метроном ударов капель о стекло. Темп – Prestissimo.

Через несколько дней она отбрасывает книгу (небольшой том о прошлых жизнях некоего принца) в сторону и спрашивает книжника о прошлом. Об идее прошлого, а потом о личном прошлом каждого человека.

– Это обязательно? Так бывает у всех?

– Ммм… Иногда.

– Со мной что-то произошло?

– Ты потерялась. Луны больше нет в небе, поэтому, когда приходит сезон дождей, ночи становятся особенно темными. Из-за этой темноты ты потерялась в пространстве и самой себе. Дождливая ночь вымыла твою память.

Конец света всегда позавчера

Из ответов гостьи можно предположить, что у нее осталось выцветшее представление о прежних днях, когда Луна была на небе, механизмы работали, а день и ночь делили друг с другом двадцать четыре часа. Подробностей она не помнит, если вообще знала их когда-то. Девушка выглядит достаточно молодой, чтобы не застать того, как однажды все закончилось.

На ее вопрос «когда мир перестал быть прежним?», книжник отвечает «позавчера». Она соглашается с неопровержимой логикой такого ответа. Позавчера. Каждый день оказывается, что все закончилось позавчера.

Она засыпает под именем Ноэль, чтобы проснуться Азалией. Книжник забирает роман, который выпал из ее рук. Быстро пролистывает и замечает, что бумажными обрывками заложены страницы, на которых герои вспоминают о чем-то. Видит подчеркнутые карандашом слова «прошлое», «вчера», «история» и обведенные кружком суффиксы прошедшего времени. Дальше он находит фрагмент, где очень много обведенных слов. Это монолог влюбленного героя, в котором долго и запутанно перечисляются черты характера его любимой. Ноэль подчеркнула все характеристики героини, проставила рядом с ними вопросительные и восклицательные знаки.

Проснувшаяся Азалия в первую очередь открывает книгу на этом монологе. Потом смотрит как книжник готовит завтрак, смеется и пытается шутить. Замирает, прислушивается. Отводит взгляд и упирает его в стол, напряженно молчит, а потом тихим голосом спрашивает, когда будет готова еда. Спустя минуту говорит без умолку обо всем подряд. Через еще одну минуту требует пустить ее за плиту, чтобы она сделала все сама. Приготовленный ей завтрак не нравится им обоим, но он лишь немного хуже того, что удается книжнику. Его неудача обладает привкусом неведомого ей постоянства, длительности, укорененности во времени. Теперь девушка пробует все подряд, копирует фразы из книг, повадки и действия. Все, что может подарить новые ощущения, и подскажет, что новизны в них не так уж много. Они договариваются, что место у плиты будет определяться проигрышем в «камень, ножницы, бумага».

В оглушительной темноте под холодным дождем Маргарита не знает куда идти и кого звать на помощь. Она кричит в ночь, чтобы кто-то пришел и помог ей, нашел здесь замерзшую и испуганную, но не слышит себя. Ноги тонут в промокшей траве, земля влажными губами обхватывает ступни. Маргарита цепляется за вещь, которую непрестанно крутит в руках. Кажется, что этот предмет бесконечно меняет форму.

Сверкает молния и освещает лишь пару струй дождя перед глазами. Небо раскалывается пополам в припадке грома. Предмет вырывается из рук и Маргарита вслед за ним тянется, ныряет, падает, падает и падает в темноту, пока не просыпается.

Вскакивает с постели, пытаясь догнать и поймать вырвавшийся крик. Холод и влага никуда не уходят, сон будто продолжается. Девушка касается рукой щеки.

Мокрая.

Кап, кап, кап.

Маргарита поднимает голову. На потолке расползается влажное пятно, из которого на ее постель падают капли. В ритме почти таком же быстром, как и ее сердцебиение. В доме прохладно. Вчера они не топили камин, слишком устали от похода за продуктами на почту. Маргарита ежится, сжимает и разжимает пальцы ног. Пол очень холодный. На ступнях и пальцах пятна грязи. Нащупав одно из одеял, с самым большим влажным пятном, она вытирает ноги.

Книжник просит ее рассказать о тревоге и кошмарах, но она не может. Тогда он предлагает ей писать о них. Она тянется к кофейному столику и блокноту, в котором составляет каталог кошмаров. Все они делят между собой одну концовку: Маргарита остается наедине с ничем и оно поглощает ее. В блокноте много вырванных страниц. Она пробовала составить из фрагментов снов историю, как это делает книжник, но истории нет. Блокнот заполняется попытками определить чувство, которое достаточно опишет ее сон и грязные ноги. Письмо дается Маргарите с трудом. Буквы угловатые и будто рассыпаются. Итог ее трудов: несколько исписанных страниц, на которых она пытается выбрать между словами «стыд» и «страх».

Бьянка много читает. Еще больше времени она проводит за рассматриванием картинок, которые попадаются в некоторых книгах. Рассказывает книжнику о загадке, которая скрывается между двух цветов: черного и белого. В одной из коробок она находит связку цветных карандашей и пробует с их помощью подобрать ответ. Она не раскрашивает картинки целиком, только расставляет акценты у женских персонажей. Глаза она делает светло-зелеными, а волосы – темными. Росчерками алого рисует царапины на предплечьях, а черным и синим карандашом придает дыму сигареты сизый цвет. Тем же синим карандашом она закрашивает джинсовую куртку. Бьянка приносит эти картинки книжнику и говорит, что цвет – одна из форм прошлого.

– Почему у меня не так?

Анна показывает пальцем на его правую руку, которая заканчивается там, где должен быть локоть.

– У тебя так, как обычно бывает у людей.

– Тогда почему у тебя так?

– Так вышло.

– В прошлом?

– Да, именно тогда. В прошлом.

– Ты расскажешь об этом?

– Нет.

– Почему?

– Просто нет.

– Не понимаю.

– Ничего страшного.

Книжник бережно хранит в подвале то, что уносит с почты после прилета каждого самолета: сухари, галеты, печенье, консервированные овощи, мясо, рыбу и плиточный чай. Нельзя быть уверенным, что самолет прилетит еще раз. Поэтому в кладовке ждут своего часа упаковки армейских пайков и белковых батончиков. Книжник взял их из поезда, который однажды несколько дней стоял на рельсах. Даже для двоих этих запасов хватит на несколько месяцев вперед. В первую очередь книжник и Амэ съедают макароны и крупы. В сезон дождей они сыреют и портятся быстрее всего.

С топливом не все так хорошо, но пока что сносно. Дом книжника питает электричеством ветрогенератор. В кладовке стоит несколько аккумуляторов, которые собирают заряд. Есть отдельный газовый генератор и несколько пропановых баллонов к нему. Обычно книжнику хватает тока от ветряка для света в доме и дровяной печи для приготовления еды.

Рядом с домом течет ручей, воду из которого книжник пропускает через фильтр (песок, уголь, ткань). Потом кипятит и еще раз фильтрует.

Благодаря всему этому, книжник может жить вдали от людей и городов. Но Амэ он предупреждает о том, что города и другие люди все же существуют. Пусть в это и сложно поверить.

Следующий день, он вновь выигрывает. Его ножницы против ее бумаги. На шкафчике висит лист из кулинарного справочника, рецепт без начала и конца. Приходится импровизировать. В одной кастрюле варится лапша, в другой на водяной бане греются овощные консервы. Книжник и Маргарита очень проголодались после ремонта крыши и похода за водой.

Два часа назад они отправились к колонке, чтобы набрать чистой воды. Можно было воспользоваться ручьем, но книжник специально привел Маргариту сюда, чтобы показать это место. Остатки кирпичной кладки, заросшая травой дорога, на которой сохранились следы разметки, запутавшаяся в траве тележка из супермаркета. Здесь когда-то был городской пейзаж, но его стерли решительным движением ластика. Осталась только автобусная остановка, вся в ржавых пятнах, и водозаборная колонка.

Ноэль интересно пока она видит во всем игру, которая ни к чему не обязывает. Она помогает книжнику разрезать книги, вместе с ним приносит дрова для печи, а перед этим помогает их колоть. Он показывает ей, как пользоваться увеличительным стеклом, чтобы она могла найти вредных насекомых или болезнь на листьях бонсай. Книжник пробует спросить Ноэль о том, что ей кажется правильным, чтобы условия игр помогли ей узнать и вспомнить себя. Ей нечего сказать о правильном.

Кап.

Она моргает и упускает момент, когда капля срывается с кончика волос. Отражение в воде распадается на части. Пока еще безымянная, она смотрит, как ее лицо деформируется. Забинтованная ладонь касается подбородка, губ, щеки и носа. Ладонь в отражении на воде пробует схватить распавшиеся фрагменты лица. Губы приоткрываются и пропускают через себя глухой бессловесный звук. Она смотрит на отражение и протягивает руку, чуть-чуть касаясь его там, где находятся ее лоб, уши, глаза и шея.

В теплой воде, исходящей паром, девушка прижимает ладонь к лицу, по которому бежит стылая трещина. Пальцы ощупывают эту холодную вертикаль и находят линию слез.

Она задерживает дыхание и окунается в купель с головой. Выныривает и долго трет лицо. Откидывается назад, смотрит на потолок и мерцающую лампочку, вокруг которой бегает паучок.

– Спасибо. Хорошо. Тепло.

Почта

Лицо мира помнят те, кого терзает бессонница. Утром оно вспоминается, собирается обратно вслед за линией рассвета. Получается не слишком аккуратно. Одни забытые куски всплывают там, где было забыто что-то другое. Некоторым кажется, что это место и эти события уже были. Только они случились в чужой жизни и остались в другой памяти. Может быть, до того как все закончилось, мир помнил свое лицо сам.

Реальность – в длительности.

Чтобы уйти пораньше, книжник приготовил все необходимое еще вчера: собрал сумку и упаковал в ящики бонсай. Селена просыпается, стоит ему только сделать два шага от дома. Она напугана пустотой, провалом его отсутствия.

Босые ноги пробегают по деревянному полу. Страх сменяется тревогой когда девушка видит пустоту у окна, рядом со светодиодной лампой. На этом месте стояли четыре бонсай. Три из них исчезли.

Селена садится на пол и включает лампу. До возвращения книжника она разглядывает единственное оставшееся дерево – маленькую сосну, которая появилась в этом доме вместе с ней.

Дверь медленно открывается, осыпаясь на пол ржавой пылью и древесной трухой. Треугольник света расширяется и распухает в трапецию. Темнота сбегает в щели между половицами, прячется по углам. Книжник входит в почту и не запирает дверь. Он дает себе пару минут, чтобы отдохнуть и приглушить ноющую струну боли, которая вибрирует в спине. Капли пота смешиваются с холодной моросью, которую ветер задувает в здание почты. Внутри только покрытые пылью столы и шкафы, забитые полуразвалившимися коробками.

Книжник зажигает свет, протирает окна, смахивает пыль и выметает сор в открытую дверь. Бонсай в коробках он укладывает на самый близкий к окну стол. Стопка реконструированных книг ложится рядом.

Придвинув сколотую кружку с карандашами, чтобы прижать краешек листа, книжник начинает писать. Три письма: короткое, чуть длиннее и на нескольких страницах. В первом – запрос о личности с кратким описанием внешности. На обратной стороне листа – просьба скопировать письмо на каждой остановке. Второе письмо с такой же просьбой и небольшим дополнением. Третье, самое длинное, описывает способы ухода за бонсай и содержит такие формальности, как вопросы о здоровье, делах, новостях и собственные ответы на похожие вопросы.

Ветер гоняет влажные листья по маленькой взлетно-посадочной полосе. Из паутины трещин в асфальте прорастает трава и блеклые цветы. Книжник проходит по полосе сто метров и поворачивается к почте. На ее крыше вспыхивает и гаснет сигнальный маячок. Несколько минут книжник наблюдает за проблесками. Лампочка загорается каждые тридцать секунд. Исправно и без сбоев. Миниатюрного аккумулятора, который он принес с собой, должно хватить на неделю такого мерцания.

Когда он возвращается домой, Селена сидит на полу и рассматривает сосну в горшке.

– На что смотришь?

Девушка пожимает плечами и даже не поворачивает голову.

Петля

В момент падения книжник вспоминает, что этот день начался с тишины. Она стала такой очевидной, потому что замолчали все электрические приборы.

Оставленный на чернейший из дней пропан закончился две недели назад. От ветрогенератора перестал поступать ток. Аккумуляторы, собиравшие по капле заряд, опустели. На них работал инвентор, питавший электричеством дом.

Это первое, что книжник говорит Елене утром. Признается, что плохо понимает, как работает вся эта электроника. Возможно, что она просто безнадежно сломалась, как сейчас ломаются все остальные механизмы и устройства. А пока что стоит проверить ветряк.

– Пойдешь со мной? Если там что-то сломалось, с одной рукой я вряд ли смогу что-то сделать.

– Я помогу тебе. Хоть мне и не нравится электричество. Есть в нем что-то… – Елена морщится. – А эти ветряные мельницы… они выглядят как в той книжке?

Лопасти скрипят под порывами ветра и остаются неподвижными. Последний из ветряков, который выжимал капли электричества для дома книжника, застыл. Его башня, как и у всех ветряков поблизости, в следах копоти от пожара. Книжник и Елена проверяют силовой шкаф, покрытый темными разводами. Никаких следов повреждения. Они пробуют открыть дверь в башню, чтобы

подняться по лестнице к генератору. Массивный замок не поддается, когда они пытаются сбить его. На табличке, с которой Елена стирает пятна гари, проступает небольшая карта. Если верить ей, неподалеку, за обожженными остатками леса, должна находиться станция обслуживания ветрогенераторов.

– Пойдем туда? – Елена смотрит на книжника из-под желтого капюшона дождевика.

– Мне рассказывали, что в ту сторону лучше не ходить. Конечно, это слухи, оставшиеся от слухов, но… на станции я никогда не был.

– Следующий самолет может прилететь через неделю. Привезет баллоны с пропаном. Пока можно готовить еду на дровах.

– Может и не прилететь. Я не хочу оставаться без света. Особенно в сезон дождей. Надо идти.

За потемневшими остатками деревьев начинается лес, который лишь облизнул огонь. Чтобы не продираться через густую траву, поваленные деревья и сломанные ветки, книжник и Елена идут по узкой полосе земли, которая обрамляет край глубокого оврага. Впереди их ждет просека, возможно, оставшаяся на месте дороги к станции.

Елена тянет книжника за полу дождевика, просит остановиться. Обхватив руками ствол дерева, она заглядывает вниз и пробует рассмотреть дно оврага, скрытое за туманом.

– Это что, дым? – Елена поворачивается к книжнику. – Пахнет так, будто что-то горит.

– Не чувствую. Пойдем. Только осторожно.

Они идут дальше и книжник напоминает Елене держаться за него как можно крепче. Именно поэтому, когда влажные листья выскальзывают у из-под ног и он падает, она падает вместе с ним.

Ветвь дерева, за которую хватается Елена, выгибается и выскальзывает из руки. Удар о землю. Пучки травы вырываются из земли, когда книжник и Елена пробуют ухватиться за них. Грязь и листья выскальзывают из-под ног.

Темнота оврага, вспышка неба, темнота, вспышка, будто щелкает затвор фотоаппарата. После одного из щелчков темноту сменяет сияние в золотисто-красных тонах. После еще одного щелчка темнота отступает и остается только сияние. Елена и книжник падают в него, как в открытые объятия. Прямо как в тех слухах, оставшихся от слухов. В момент падения, пока пальцы сгребают размокшую землю, пока сломанные ветки царапают лицо и одежду, пока с каждым кувырком и глухим ударом на теле появляется новое обещание синяка или ссадины, книжник удерживает память о том, с чего начался этот день.

Под простыней из красно-золотистых листьев на боку лежит автомат с газировкой. Это первое, что видит книжник, когда открывает глаза. Потом замечает мужчину, который сидит на корточках рядом с ним. Сквозь плотное одеяло боли, которым обернуто все его тело, книжник едва чувствует касания мужчины.

– Прошу прощения, я проверю как вы. На первый взгляд, ничего не сломано. Здесь не болит? Спина? Таз? Что-то онемело или не двигается? Крови нет… Простите за неуместный вопрос, но… вы не видели мою жену?

– Нет.

Мужчина кивает и с улыбкой говорит, что книжнику от падения достались скромные подарки. Ни переломов, ни вывихов, только россыпь ушибов.

Приподнявшись на локте, книжник осматривается. Видит полуразвалившееся здание с выцветшей вывеской. Неподалеку от входа в него лежит гора магазинных тележек. У стен оврага несколько деревьев сбрасывают красную и желтую листву. Тем же занимается Елена, пока вытряхивает испачканную куртку. Она смотрит, как медленно опадает березовый листок и поднимает глаза к небу. Сквозь дымку тумана проглядывают верхушки деревьев. Там, наверху, по-прежнему зеленое веснолето.

Мужчина говорит хрипло, будто его горло что-то сдавливает. Он часто смотрит наверх и несколько секунд что-то разглядывает за дымкой. Улыбка не сходит с его лица.

– Моя жена… Как это сказать… Ушла куда-то. Никак не могу найти ее.

Книжник качает головой.

– А ваша подруга? Она ее не видела?

– Нет. А даже если видела… вряд ли она сейчас это вспомнит.

– Владимир.

Мужчина протягивает руку. Потом отдергивает и подает левую.

– У меня осталась последняя упаковка консервов. Хватит всем. Хотите?

Однажды мужчина по имени Владимир покинул дом, чтобы найти жену, которая не вернулась с вечерней прогулки. Ее обычный маршрут проходил через лес, вдоль асфальтовой дороги к почте и обратно домой. Владимир попытался прочертить этот треугольник вслед за женой. Даже его шаги порой совпадали с шагами потерянной. Он вступил в чащу леса, прошел по кромке оврага. Еще сырые от ночного дождя листья заскользили под его ногами. Линия маршрута сорвалась и стекла вниз, к старому магазину, заваленному осенними листьями. У его входа лежал на боку автомат с газировкой.

Он очнулся рано утром. Звал жену и просил о помощи, пока не сорвал голос. Каждая попытка выбраться заканчивалась падением. Вымотанный, с больным горлом, вокруг которого будто затянули петлю, Владимир исследовал овраг. Нашел в старом магазине последнюю коробку с консервами. Их срок годности заканчивался через три дня. Владимир поднял автомат и нашел стакан для него. К крышке аппарата была прикреплена нить с монеткой. На боковой стенке кто-то выцарапал инструкцию по пользованию: опустить монету в щель и после выбора сиропа дернуть за нить.

Обходя овраг по кругу, Владимир звал жену. Ноющее горло он успокаивал газировкой. Вновь пробовал выбраться, карабкался вверх и падал. После целого дня попыток его руки онемели, будто и их сдавила петля. Вечером Владимир доел консервы и лег спать. Утром он звал жену и пытался выбраться. Потом нашел в магазине последнюю коробку консервов и поднял автомат с газированными напитками.

Владимир спрашивает их о жене, а потом повторяет вопрос. Извиняется, смущенно отворачивается. Спрашивает еще раз. Наконец, он оставляет книжника и Елену у костра, обходит овраг по кругу и надорванным голосом зовет «Мария! Мария! Мария!». Пока его нет, книжник говорит Елене, что дом, в котором они живут, скорее всего, когда-то принадлежал Владимиру. Он пересказывает ей фрагменты истории, слухи от слухов, которые слышал раньше. О падении и мужчине, который проживает раз за разом одно и то же. Этот провал, большая карстовая воронка, не выпускает его. Другим людям, которые якобы тоже падали сюда, удавалось сбежать. Но вот Владимир заперт здесь уже много лет. Елена смотрит на крутые склоны, покрытые влажной глиной, и кивает.

Книжник просит, чтобы она попыталась выбраться сама. Ему с одной рукой лучше даже не пытаться. Рассказывает план: она поднимается наверх, возвращается в его дом. Из одеял, простыней и всего, что найдет, сделает две веревки. Одну настолько длинную, насколько это возможно, а вторую покороче. Первую она спустит в овраг, а вторую…

– Нет. Я не буду подниматься одна, – Елена смотрит на пустой рукав книжника. – Не могу. Прости.

– Зря. Кажется, что-то уже начинается. Чувствуешь? Горло и руки будто что-то сжимает.

– Ничего такого. Я все равно не уйду… Тебе страшно?

Проходит два дня, прежде чем книжник решается. Владимир внимательно слушает его. Недоуменно моргает, на пару секунд задумывается и соглашается с вежливой улыбкой. Ирит кусает губы и уходит, чтобы сделать свою часть

работы. Пока она занята, Владимир и книжник снимают заднюю крышку автомата с газировкой. Перерезают одну из трубок, вытаскивают баки с сиропом и водой.

Ирит возвращается с несколькими упругими и гибкими ветвями, которые у самых кончиков разделяются на маленькие веточки. Книжник выбирает из них одну, срезанную с клена. Автомат, вновь уложенный на бок, превращается в стол. На нем книжник раскладывает все необходимое: бутылку антисептика, шприц, леску, нож, большой платок, трубку из автомата и пакет. Большая часть этого нашлась в его сумке. Платок одолжил Владимир, а плотный пластиковый пакет они нашли на полках магазина.

Ирит помогает промыть пакет и трубку в растворе антисептика. В этом же растворе она вымачивает разрезанный на ленты платок. В дезинфицированный пакет заливается слабый раствор сиропа. Его края туго перетягиваются леской вокруг трубки. На другом ее конце игла от шприца. Импровизированная капельница готова.

– Не так я себе это представлял, – говорит книжник и засучивает полупустой рукав.

Начинает темнеть, поэтому работать приходится быстро. Книжник отдает команды тихим, сдавленным голосом. Под испуганными взглядами Ирит и Владимира, он держит нож над огнем костра, потом промывает его в антисептике. Три раза отсчитывает три глубоких вдоха. Владимир помогает ему перетянуть плечо лентой. Кончик ножа упирается в центр культи. Книжник нажимает еще, сильнее, пока острие не ныряет в плоть. Несколько раз нож поворачивается по часовой стрелке, пока из раны льется кровь. Испугавшись на «раз», почти заплакав на «два», Ирит быстро приставляет ветвь к ране на хриплое «три». Основание побега входит в рану. Только сейчас, когда боль переливается через край, книжник кричит. Ирит вводит ветвь в его культю чуть больше, чем на сантиметр. Место соединения быстро перевязывает Владимир. В воздухе стоит запах крови и антисептика.

Чуть позже, после первого прилива слез, Ирит делает тонкий надрез на ветви рядом с местом, где она уходит в глубь раны. Тонкая игла проходит через разрез в эпителий, впивается в сердцевину. По трубке через нее в стебель вливается раствор глюкозы. Владимир помогает закрепить капельницу с раствором на воткнутой в землю палке. Вымотанный и оглушенный болью книжник сейчас

может только стонать. Он тихо хнычет три повторяющихся дня, пока его одолевают кошмары о холодных корнях, которые впиваются в грудную клетку, и ветре в ветвях, который воет как потерявшая ребенка мать.

– Простите, вы не видели мою жену?

Книжник молча качает головой. По утрам в овраге особенно холодно и Ирит, или уже Лора, греет свою кофту над тлеющим костром, прежде чем укрыть ей книжника. А еще здесь тихо. Не слышно ни птиц, ни ветра, ни стрекота насекомых. Эта тишина похожа на молчание обескровленной электроники, с которого начался тот день.

– Нет, не видели, – с улыбкой говорит Лора.

Раствора в капельнице становится меньше. Привитая ветвь растет. Владимир повторяется изо дня в день. Он с хитрой улыбкой показывает Лоре, как пользоваться монетой для автомата. В какой момент нужно потянуть за нить, чтобы монета вернулась. Каждый день она выбирает новый сироп, и он нравится ей так же, как и предыдущий. Ее радость тоже повторяется. Пока шипит газировка в стакане, девушка слушает рассказы Владимира о жене: о знакомстве, о ссорах, о долгих бессонных ночах, когда они оба не могли уснуть, о первой и единственной поездке к морю, еще до того как все закончилось, о случаях, когда ее не было рядом, но она все равно оставалась с ним и, как он надеялся, для нее он тоже был рядом.

– Нескромно, даже неприлично говорить такое… Мне так нравятся ее родинки. Особенно на спине. Там они складываются в созвездие Лебедя. Самая большая родинка, звезда Денеб, прямо под левой лопаткой. Ее зовут Мария, я говорил вам?

Лора кормит книжника овощным рагу из консервной банки. Она говорит, что тоже скучает по Марии, хотя никогда не видела ее. Потом подносит к губам книжника стакан с водой без газа и сиропа, и ждет, пока он сделает несколько глотков. Когда книжник почти засыпает, она шепотом напоминает ему и себе, что они должны сбежать отсюда.

Через два дня Селестина помогает снять бинты. Книжник уже может вставать и немного ходить. Слабость отступает медленно. Селестина поддерживает книжника, пока он бредет к магазину и обратно. Попутно девушка рассказывает, что много думает о Марии перед сном. Говорит, что очень хочет себе прошлое, такое как у Владимира и Марии. Собственное и общее. Она хочет прошлое, и они сбегут отсюда, чтобы найти его.

– Сбежим. Дай мне еще чуть-чуть времени.

Черенок клена пустил корни. Они жадно обхватывают остаток локтя книжника. Через день кора обрастает твердыми морщинами. Ветвь набухает от вливаний глюкозы и крови, все больше походит на руку без ладони. Короткие веточки напоминают пальцы, вырастающие прямо из запястья. Еще через день они начинают гнуться с потрескиванием и скрипом. Книжник пытается отбивать ими музыкальный ритм. В локте новая рука сгибается тяжело, но такой подвижности должно хватить для побега из зацикленного провала.

Первое, что слышит книжник на следующий день, это голос Эцуко, напоминающий, что они должны сбежать отсюда. Он рассказывает ей, что нужно приготовить и просит взять в его сумке нож.

– Только пришли и уже уходите? Как жаль. Может, пообедаете? Если увидите мою жену, ее зовут Мария, расскажете ей, где я жду? Спасибо.

Владимир прощается с ними как с желанными гостями, которые спешат уйти. Пытается отдать им половину консервов. Они вежливо отказываются. Протягивает сумки с деревянными клиньями. Весь вчерашний день они втроем делали их. Разумеется, Владимир уже не помнил об этом. Даже кровоточащие мозоли, которые он успел заработать, исчезли.

Новая рука книжника трещит, когда он вонзает клин в землю и подтягивается. Боль в локте разрастается с каждой минутой подъема. Он смотрит на Диотиму: она забирается наверх быстро, с размаху вбивает клин, резко подтягивается и вбивает другой. Вдох-выдох, дальше. От боли время плавится и расползается, будто у стрелок часов головокружение. Запястья немеют, горло горит. Так продолжается, пока книжник не видит над собой край оврага и лицо Диотимы.

Она опередила его и теперь ждет, когда он выберется. Несколько метров до финиша, петля почти соскользнула с его рук и шеи. Клин, на котором он подтягивается, хрустит, а потом вылетает. Ноги скользят и выбивают из склона комья земли. Только рука-ветвь пока еще держит книжника. Боль пробегает от локтя к шее и сороконожкой сползает по позвоночнику. Ветвь вибрирует с неприятным внутренним хрустом. Здоровой рукой книжник втыкает клин в другое место и замирает, ослепленный болью. Сверху падает крик. Он поднимает голову: Диотима наклоняется к нему, упираясь ногой в полуобнаженный корень дерева. Из ее руки стекает кофта с капюшоном. Вдох-выдох, рука-ветвь стремительно немеет.

Книжник рвется наверх, хватается здоровой рукой за кофту. Диотима тянет так сильно, как может. Новые пальцы сжимают выступающий корень. Еще один рывок. Треск ломающегося дерева раздваивается в эхе.

Он скулит и плачет, разбрасывая ногами опавшие листья. Из надломанной у основания руки толчками выходит бледно-розовая смесь крови и древесного сока. Диотима находит аптечку в его сумке. В три руки они забинтовывают рану. Оглушенный болью, книжник показывает дорогу и еле перебирает ногами. Когда над головами больше нет навеса из листьев и ветвей, лица быстро покрывает влажная морось. Диотима просит книжника остановиться и чуть передохнуть, но он тянет ее дальше.

– Смотри, – она показывает пальцем куда-то в сторону.

Он смотрит, но прежде чем увидеть, слышит. Лопасти ветряка вновь вращаются, с противным и тяжелым скрипом.

После того как все закончилось

После того как все закончилось, на мир опустилась бесконечная и светлая печаль. Это не было строго определенным во времени и пространстве событием. Кажется, это случилось чуть раньше, чем наступило с большим опозданием. Однажды все закончилось и то, что длится поныне только постскриптум к

ненаписанному письму. Пока рука продолжает выводить слова, пальцы бьют по клавишам, но кульминации уже остались позади, катарсисы остыли, герои историй скрылись за поворотом страниц. В элементарных структурах и минимальных единицах обнаружена критическая ошибка, тысячелетняя несправедливость. Что-то было потеряно, забрано, украдено и это не вернуть.

Одни теряются ночью сезона дождей. Тонут в темных водах и волны ночи уносят их далеко-далеко, по дороге вытряхивая из карманов воспоминания. Другие растворяются, поглощаются вещами, вступают в химико-онтологические реакции, заболевают камнями, хозяйственными мылом, ряской, аккумуляторными батареями и отходами нефтяного производства. У них не получается добровольно исчезнуть, даже если они обладают тем, что когда-то называлось желанием. Они отданы на волю вещей, которыми больны. Третьи живут ту же жизнь, которую жили до того, как все закончилось.

Вообразить, что в историях, пахнущих как разбитое сердце (кровью), где в конце все остаются несчастными, есть надежда на осмысленность горя. Герой такой истории и придуманный им мир не собираются обратно из осколков. Один фрагмент всегда оказывается потерян, забран и украден. Оставшиеся части одновременно больше и меньше, проходят сквозь и засасывают в себя, мутируют временными парадоксами, фантасмагориями, искривлениями пространства-времени и вопросами о том, что же на самом деле существует. Каждое имя, категория и вещь как скользкие змеи, выворачиваются из рук, шипят, кусаются и обнимают одновременно. Нечего, некого, нечем контролировать. Так было всегда, но лишь после того, как все закончилось, это стало достаточно очевидно.

Тает, мерцает и скользит. Кажется, мир больше не вращается. Ведь именно вращение помогало думать о нем, как о чем-то конечном. Все живые чувствуют это. И двое в доме, уснувшие после побега из петли, и тревожные, запутавшиеся птицы за окном, которые не знают, куда им лететь, и одичавшие собаки, и клубки змей, и россыпи бабочек, и растерянные правнуки выращенных в зоопарках медведей, и все остальные не знают, что им делать. Если в распадающемся, лишенном границ мире осталась одна определенность, то она состоит в том, что одиночество стало таким же беспредельным. Даже Луна потерялась в этом громадном одиночестве, и ее никто не может найти. В

безоблачные ночи и ночи сезона дождей, ее нет на небе. Она пропала сразу же после, незадолго до и прямо в тот момент, когда все закончилось.

Дождь второй

Го на мусорном берегу

Раскрытые ладони древесных ветвей, мусорные мешки, прошедшие вивисекцию временем и голодными птицами, электроплиты, игрушки, обломки мебели, картон и еще десять тысяч вещей, чьи лица стерты, потому что каждый день они умываются соленой водой и песком.

Края раны одного из мешков тростью раздвигает мужчина. Прибой облизывает его голые ступни, пока он рассматривает внутренности пакета: мятую бумагу, пластик и превратившиеся в прах остатки еды.

Выбритая голова, четки из камней разной формы, кусочков кораллов и пуговиц, на предплечье висит плетеная корзина. Так похожий на монаха мужчина снимает очки в тонкой оправе и протирает линзы рукавом рубашки.

– Надо записать, не забыть записать… Можно отнять не только то, что переживается, но и то, что делается. И отнимают другие люди. Для этого нужно… Понятно что. Имя. Оно как карман, в который можно сунуть руку и украсть переживание, похитить поступок…

Монах поднимает из песка несколько пивных крышек и полупустой флакон лака для ногтей. Встряхивает его и пытается открыть. Запечатанное солью и песком горлышко скрипит, но поддается. Кисточка быстро скользит по ногтю и чертит узкую черную линию.

Рядом с останками мусорной баржи лежат несколько помятых холодильников. Монах срезает квадрат пластика с дверцы одного из них. Потом садится на песок неподалеку от линии прилива. Вырезает ненужное, чтобы в итоге осталась

лишь сетка, ровные ряды квадратов – 19 на 19. Все это время он что-то бормочет.

Так похожий на монаха мужчина поворачивается в сторону моря. Там, упираясь деревянными сваями в крышу утопленного небоскреба, над волнами возвышается несколько домов. Сегодня день уборки, поэтому их окна и двери распахнуты для всех ветров.

Мужчина вытаскивает из-за пазухи потертый лист бумаги и пробегает взглядом по строкам письма. Потом прячет его обратно и продолжает читать лекцию волнам. Он выбирает из корзины найденные на берегу камешки и другой мусор. Правит пивные пробки пальцами, придает им форму го-иси с плоским дном и красит лаком.

– Быть с именем, значит быть раненным и допустить, что кто-то просунет пальцы в эту рану. Давать имя – значит ранить… Я правильно говорю?

Монах вдавливает сетку в песок и убирает. На получившемся отпечатке он начинает партию в го против самого себя. Вместо триста шестидесяти одного камешка у него всего несколько десятков.

Линия прилива все ближе и в любой момент вода может слизнуть импровизированную доску. Слова лекции бегут все быстрее, спотыкаются, сталкиваются, пока не начинают давку. Глаза за очками блестят.

Накатывает первая, едва касающаяся сетки, волна. Монах делает ход последним белым камешком, а потом берет последний черный. По предварительному подсчету готовится ничья по очкам. Скорость речи монаха не дает разобрать ни слова. Новая волна стирает игровую доску одним быстрым движением. Некоторые го-иси уносит вместе с волной.

Только когда последний черный камешек занимает свое место на уже несуществующей доске, монах заканчивает лекцию. Собирает оставшиеся фишки и бросает в корзину. Быстро полощет ее в воде, смывая песок. Подбирает пластиковую сетку и идет к лодке. Внезапно останавливается, будто слышит запоздалый вопрос. Поворачивается и поднимает ладонь в приветствии. Капля дождя падает на линзу его очков.

Выжатые тучи

Альвина не дожидается его и выбегает под дождь. Накидывает на бегу дождевик и кричит, что очень хочет посмотреть на самолет. Просит догнать ее. Шум мотора уже не слышен. Значит, самолет приземлился. Может быть, Альвина успеет рассмотреть его поближе или даже познакомится с пилотом. Когда книжник нагоняет ее, девушка стоит у почты и смотрит на небо, в котором ничего нет.

Опять ровная трапеция света, о которую разбивается темнота. Скрип половиц и шелест одежды. Темнота отливает куда-то к углам зала, когда книжник чиркает спичками. Пальцы руки-ветви плохо слушаются после перелома. На пол падают то сами спички, то коробок. Отказываясь от помощи Альвины, книжник зажигает лампы в здании почты. Посылки и письма, которые он оставил, исчезли. Вместо них появилось несколько деревянных ящиков и перетянутая лентой стопка писем.

Книжник пододвигает одну из ламп, срывает ленту и просматривает надписи на конвертах. Два письма оставляет себе и прочитывает, остальные протягивает Альвине. Пока она вскрывает один конверт за другим, книжник проверяет ящики.

– Никаких совпадений, – говорит она. – Зато меня приглашают в Колыбель.

– Я так и думал.

– Ни биографии, ни имени, ни совпадений во внешности.

– Не расстраивайся.

– А что тогда делать?

– Можешь помочь мне. Привези тележку.

Альвина находит ее снаружи, у взлетной полосы. На платформу тележки умещаются три баллона с пропаном, ящик с консервами, коробка питательных батончиков, упаковка мыла и наборы первой помощи. Еще влезают три большие стопки книг, завернутые в целлофан. Что не поместилось в тележку, книжник и Альвина укладывают в свои сумки.

Она берется за рукоять, он хватается за трос, завязанный спереди. С грохотом они катят тележку по растрескавшейся дороге, пока выжатые тучи расправляются и вбирают новую порцию влаги.

– Что это? – в руке Альвины покрытая целлофаном упаковка с бледно-желтыми батончиками.

– Ммм… Заменители еды.

– Это можно есть?

– Да. Полный набор необходимых веществ, много белка. Делается из жуков.

– Серьезно? Из жуков?

– Или личинок. Или червей.

– Мы действительно будем это есть?

– Ты еще не знаешь, но твой вопрос… ммм… риторический.

Книжник останавливается, чтобы сменить руку. Закатывает правый рукав, обхватывает деревянными пальцами трос и наматывает его на запястье. После надлома ветвь чуть высохла, уменьшилась, хоть на ней появились листочки и почки. Когда Альвина спросила, можно ли их состричь, книжник сказал, что это необходимо, только не сейчас. Благодаря фотосинтезу рука может немного подрасти. Когда она станет нужного размера, листья и почки можно состригать. Иначе ветвь вырастет слишком большой и ее корни будут врастать в тело, подбираясь к внутренним органам.

Альвина продолжает крутить в руках целлофановый брикет.

– А консервы?

– Их совсем чуть-чуть, сама посмотри.

– Чем же будем питаться?

– Мы все равно не останемся здесь надолго.

– Мы…

– Тебе нужно к морю, туда, откуда пришло письмо с приглашением. Пойдем вместе. Обычно сезон не задерживается в одном месте больше, чем на несколько недель. Скорее всего, он скоро уйдет. Поэтому мы можем собираться в дорогу. Ты ведь все еще хочешь узнать о своем прошлом?

Тук-тук-тук

Стук в дверь следует считать самостоятельным способом общения. В нем скрывается больше, чем можно ожидать от последовательности коротких однородных звуков. Он определяет условия и допустимость самой встречи. Громкость, временной промежуток между ударами и положение кулака различаются в зависимости от намерений, обстоятельств, характера того, кто стучит. Стук, который слышат книжник и Метель: аккуратные удары, ровно три, через равные временные промежутки. Громкие и четкие. В них есть решительность, но нет угрозы.

Тук-тук-тук.

Сдвигаются засовы и щелкают замки. Дверь открывается в шумный от дождя вечер и впускает женщину в тяжелой от воды одежде, с большим рюкзаком за спиной. В пушистых русых волосах блестят мелкие капельки. Опустив глаза в

пол, дрожа от холода, гостья быстро проговаривает положенные слова.

– Я прошу прощения и помощи. Ночь близко, дождь уже здесь и мне некуда пойти. Позвольте остаться.

Книжник помогает ей стянуть дождевик, рюкзак и куртку, снять обувь. Метель откладывает книгу о молодом человеке, который передумал жениться, и ведет женщину к камину. Нежданная гостья опускается на колени перед огнем, протягивает к нему руки. Недолго купает ладони в волнах тепла, а потом тянется к рюкзаку.

– Я…

Прежде чем она успевает договорить, из рюкзака выпрыгивает серый кот. Он отряхивается, осматривается и коротко мяукает. Обходит комнату и машет большим пушистым хвостом. Останавливается у камина, смотрит на огонь и жмурится.

– Я путешествую вместе с ним. Надеюсь, у вас нет аллергии.

– У меня точно нет, – говорит книжник.

– Не хочется чихнуть? – спрашивает женщина у Метели.

– Нет.

– Значит, все хорошо, – эта фраза появляется вслед за вздохом облегчения. – Меня зовут Ольвия.

Метель подсаживается ближе к гостье.

– Куда ты идешь и откуда? Как его зовут? – девушка с восторгом рассматривает пушистый хвост.

Ольвия подбирает кота и усаживает к себе на колени. Ее молчание продолжается, пока чайник не заливается свистом.

– Мы идем к могиле моего мужа. Не скажешь этим милым людям свое имя?

Кот дергает ухом.

– Его зовут Грей. Хочешь погладить?

– А можно?

Рука опускается на спину кота еще до того, как Ольвия кивает. Ладонь, скользящая от головы и до хвоста, собирает легкие вибрации. Все они высыпаются, когда ладонь отрывается от основания хвоста. С новым поглаживанием опять набирается целая горсть.

– Мы идем от могилы моего сына.

– Прости. Куда ты пойдешь потом? Домой?

Ольвия принимает чашку с чаем, которую ей протягивает книжник, и делает маленький глоток.

– Я отправлюсь к могиле моих папы и мамы.

– А потом?

– Обратно, к могиле сына.

– По кругу? От могилы к могиле?

– Не могу остановиться.

– Мне жаль, что все… умерли.

Ольвия делает долгий глоток чая.

– Извините, а у вас есть что-то сухое? Кажется, мои джинсы и свитер промокли насквозь.

Метель обещает найти что-нибудь подходящее и уходит.

– Вы простите ее? – спрашивает Ольвию книжник и присаживается рядом. – Она потерялась ночью в дождь. Я нашел ее на пороге дома.

Ольвия поджимает губы. Из-за стены слышно как хлопают ящики и шелестит ткань.

– Ничего страшного. Я догадалась по ее вопросам. Расскажите мне, кто вы? И что стало с вашей рукой?

– Твоей.

– Твоей рукой.

Книжник отвечает на один вопрос Ольвии.Другой стынет без ответа.

– Как долго ты в дороге?

– Кажется, тогда еще у меня не было седых волос, – Ольвия находит среди русых локонов серую прядь.

– А родители?

– Не помню их. Я… тоже потерялась. Встретила мужа. На свадьбе я назвала его Александром, а он меня – Ольвией. Прямо перед тем, как родился Йоэль, мы нашли дневник. Он был написан уже после того, как все закончилось. Страницы в нем шли друг за другом, без путаницы. Я прочитала его и что-то показалось мне знакомым. Не вспомнила ни имен, ни событий, ни мест. Только формы предложений, повторы и манера выражаться были привычными, домашними. Мы догадались, что дневник вел мой папа. Он рассказал в нем, что мама умерла и подробно описал, где похоронил ее. Когда я и Александр нашли это место, там было уже две могилы.

Возвращается Метель с комом одежды. Пока она помогает Ольвии переодеться, книжник вскрывает банки с консервированным супом и тушеным мясом. Суп

греется на плите. Консервы достаются коту.

Раздается звон разбитого стекла. Книжник слышит, как Ольвия просит прощения и чуть не плачет. Затем звук приближающихся шагов.

– Мы разбили вазу, в которой лежали карандаши, – объясняет Метель. – Ольвия примеряла рубашку и случайно задела ее рукавом.

– Ничего страшного.

– Она заплакала.

– Пусть не переживает, правда. Эта ваза ничего не стоит и ничего не значит. Я могу сам разбить еще пару таких, если ее это успокоит.

Пока Ольвия ужинает, Метель атакует ее вопросами. Ты видела других людей? Откуда ты пришла? Как выглядит город? Какие книги ты любишь? Знаешь человека в овраге? А про Колыбель? Про монаха, который там живет? Ты терялась ночью? Она получает простые ответы, не больше одного слова. Для пары последних вопросов не находится даже простых «да» и «нет». Прямо за обеденным столом, не выпуская из руки ложку, Ольвия засыпает. Книжник и Метель вместе переносят гостью на кровать и накрывают одеялом. Грей сворачивается клубком в ногах хозяйки.

На следующее утро Ольвия проговаривает новую порцию извинений и благодарностей. Долгая дорога, голод и усталость вынудили ее потревожить их. Простят ли они ее наглость? Сможет ли она достойным образом отплатить за гостеприимство, горячую еду и тепло?

– Хочу, чтобы и меня тоже называли Ольвия.

Это предложение встречает серьезную критику. Книжник говорит, что запутается. Ольвия, которая появилась вчера вместе с котом, соглашается с ним. Два голоса против одного. Ольвия, которая появилась раньше и до этого носила еще много других имен, признает свой проигрыш. Зато она готова быть Ольвией

Второй. Для простоты и удобства.

Ольвия Вторая говорит, что ей очень хотелось бы, чтобы Ольвия Первая отправилась вместе с ними. Они собираются идти к Колыбели приливов, где она сможет узнать свое прошлое. Ей по пути? Если да, то хочет ли она пойти с ними? Ольвии Второй уже не терпится уйти. Ведь Ольвия Первая знает, что это такое, когда не терпится уйти? Можно ли еще раз погладить кота?

Ольвия Вторая вновь запускает пальцы в густую кошачью шерсть, а Грей отвечает ей то мурлыканьем, то легкими покусываниями. Ольвия Первая спрашивает у книжника, что он думает о перечисленном. Не считая разрешения погладить кота.

– У меня есть дела в Городе. Я уже предлагал ей отправиться к Колыбели вместе. Втроем нам будет даже лучше. Я не против, если ты не против, – отвечает он.

Ольвия Первая долго рассматривает книжника и тихо проговаривает слова, которые только что услышала. Будто пытается читать между строк, ищет податливую глухую пустоту с тайником.

– Буду рада, если часть пути пройду вместе с вами.

Красная черта

Кап.

Дождь не перестает лить несколько дней. За это время книжник и Ольвия собирают рюкзак для Регины/Аой/Шейлы/Поэмы/Эсмы со всем необходимым для дороги. Поэма мало интересуется тем, что они собрали. Больше ее занимает то, что скрывается за словами «личный», «собственность», «твой» и «мой». Она выслушивает объяснения книжника и Ольвии. Серьезно и долго молчит, потом уходит, чтобы проверить кое-что в книгах. Примеряет слово «собственность» для дождя за окном, огня в камине, электричества от ветряка и посылок с почты. Признается, что не понимает и просит объяснить еще раз. Ее успокаивает

Ольвия: не обязательно понимать, можно просто привыкнуть.

Кап.

Книжник просыпается раньше остальных от боли в спине. По праву гостьи Ольвия заняла постель на окне, поэтому он провел ночь на полу. Вытягивая затекшую шею, он смотрит в окно на серое отсутствие дождя. Под шум чайника рассматривает карту, которую они набросали вчера. Карты книжника склонны к побегу и самоповреждению, поэтому каждый раз ему приходится составлять новую. Если сравнить потерянные экземпляры, можно было бы оценить изобретательность его фантазии. В этот раз воображение было сдержано поправками Ольвии.

Кап.

От скромной серой точки, которая обозначает дом книжника, вниз на юг тянется красная черта. Она несколько раз выгибается и упирается в другую серую точку, расположенную на волнистой линии морского берега. Колыбель приливов. Так назвал ее монах, с которым им нужно встретиться. Без лишней скромности он взял на себя обязательство назначать, записывать и учитывать имена. Часто на сдачу можно получить и прошлое. До Колыбели приливов, в одном из мест, где красная линия отклоняется налево, стоит точка, развязавшаяся в спираль из-за дрогнувшей руки – могила мужа Ольвии. Она согласилась пройти вместе с ними до берега моря, чтобы немного отдохнуть и перевести дух. Точка, обозначающая Колыбель, распята на маленьком красном крестике. Здесь же они должны будут проститься. Ольвия отправится к очередной могиле, книжник – в Город (его жители не смогли договориться с монахом о названии), Эсма пойдет туда, куда захочет, получив имя и прошлое.

Кап.

Еще одна капля срывается и падает на грунт. Книжник предусмотрительно повесил над сосной-бонсай большую бутылку, наполненную водой. Раз в несколько минут из маленькой дырочки на дне вытекает капля. Так бонсай не засохнет, пока книжника не будет дома.

Чайник распугивает тишину свистом. Эсма и Ольвия ерзают под одеялами, кот открывает глаза и спрыгивает на пол, размахивая хвостом. Свист выдыхается,

когда книжник снимает чайник с огня. Помешивая ложечкой чай, он еще раз выглядывает в окно.

– Дождь закончился, вставайте. Если хотим идти, надо выходи?ть сейчас.

Кап.

«Прошу прощения, если вы нашли меня в петле»

– Однажды я читала книгу. В ней было написано, что на каждый квадратный километр приходится пятьдесят два человека. Не ты занимался ее реконструкцией?

– Не помню такого.

– Жаль… Только, я хотела спросить не об этом.

Ольвия тяжело дышит. Она останавливается и кладет рюкзак на асфальт. Делает глоток воды из бутылки, осматривает пустошь вокруг.

– Если раньше были пятьдесят два человека, то сколько сейчас? Десять? Или еще меньше?

– Для начала нам придется убедиться, что километры остались прежними.

Ольвия достает из кармана и показывает книжнику карманные часы.

– Они давно сломались. Как и остальные. Наверное, это уже не важно, потому что минут, часов и дней больше нет. Сложно представить, что время еще есть, если его нельзя посчитать, продать или купить, потерять и сохранить. Не помню, сколько раз я уже повторяла паломничество по могилам… Думаешь, то же самое случилось с пространством? Посчитать и измерить его больше нельзя?

– Не знаю. Надо подумать.

Они делают еще один привал, когда замечают у обочины дороги розовый диван. Ольвия и Диана садятся на него, вытягивают уставшие ноги. Книжник устраивается на своей сумке, потому что на диване больше нет места. Он говорит, что без часов время может измеряться движением, поступками, действиями. Пока они втроем идут по однообразной асфальтовой дороге посреди грязно-зеленой равнины, границы которой стирает туман, то могут организовывать и контролировать время беседами. Еще он говорит о книге, которую когда-то восстанавливал. Трактат о пространстве и времени, написанный как любовные послания. Разумеется, эти письма должны были преодолеть, победить и подавить как время, так и пространство.

– Диана, а какие книги тебе нравятся? Ты умеешь и читать, и писать?

– Интересные я люблю больше, чем умные… А еще с историями любви или дружбы.

Она рассказывает о книге, которая начинается с переезда семьи в новый дом. Кажется, это должен быть роман и он обещал своим ритмом и интонацией что-то жуткое. Жаль, что книжник не смог полностью его восстановить, только первые двадцать страниц. Перед сном Диана иногда думает о продолжении этой истории. Ни один из вариантов, что она подобрала, ей не нравится.

Говорит о другой книге, не такой интересной. Зато она была собрана почти целиком и не хватало только пары первых страниц и несколько последних. В ней частный детектив отправлялся на поиски пропавшего человека. В этой истории Диане почему-то казалось более важным именно начало, а не концовка.

Больше всего ей нравятся короткие смешные рассказы, в которых на последних строках все переворачивается вверх дном. Она каждый раз с нетерпением ждет, чтобы узнать, где история обманывала ее… А писать получается не слишком хорошо. Она знает все буквы, но рука не слушается.

– Может, попробуешь писать другой?

Когда начинает темнеть, путникам приходится повернуть назад и сойти с дороги. Чуть раньше они заметили серую кирпичную коробку, бывшую трансформаторную подстанцию. Внутри пусто, не считая грубо сколоченного ящика, в котором есть немного угля. В бетонном полу выбито углубление, заполненное золой.

На разожженных углях книжник готовит консервы, пока женщины готовят ночлег. За ужином Ольвия рассказывает, как однажды увидела грузовик, который съехал в кювет на трассе, ведущей к Городу. В кабине ей удалось найти ключи и она открыла ими кузов. Из него вывалились коробки с мягкими игрушками. Ольвия взяла себя рыжего котика. Хотела серого, но не нашла такого. Она засыпала с ним, обнимала, представляла, как оставит его там, где покоится ее сын. Йоэль любил кошек. В одну из ночей она сжала игрушку в объятиях так сильно, что почувствовала в ней что-то странное. Ольвия открыла молнию на спине кота и вытащила из игрушки несколько комков поролона. А следом еще три пакетика с бурым порошком. Она бросила сначала их, а потом и игрушку в догорающий костер.

Ольвия просыпается от тянущей нудной боли, которая пульсирует в такт скрипу двери. Грей кусает ее за руку и тяжело мурчит. Женщине приходится легонько шлепнуть питомца по голове, чтобы он разжал челюсти. Кот немедленно начинает мяукать. Рука опускается под свернутый в рулон рюкзак, который служит подушкой. Находит фонарик, щелкает выключателем. Ольвия поднимается, идет к лязгающей двери. Круг света упирается в спину Дианы. Она дергает ручку двери на себя. Отпускает, а потом тянет обратно.

– Что ты делаешь?

Нет ответа.

– Тебе надо выйти?

Ничего.

– Пожалуйста, не открывай дверь. Если за окном дождь, то мы все можем… – Ольвия кладет руку Диане на плечо и поворачивает к себе.

Пустые глаза, приоткрытый рот, из которого тянется струйка слюны. Девушка чуть покачивается из стороны в сторону. Ольвия трясет ее за плечо, но во взгляде Дианы ничего не меняется.

– Ходишь во сне… Пойдем. Я посплю с тобой, чтобы ты никуда не ушла.

Ольвия разжимает пальцы Дианы, сжавшие ручку двери. Подводит сомнамбулу за руку к своей постели, нажимает на плечо, чтобы она села, а потом и легла. Накрывает ее своей курткой и обнимает сзади. Один раз, незадолго до рассвета, Ольвия сквозь сон крепко сжимает Диану, когда она порывается встать. Тихо мяукает Грей. Он ложится рядом с девушкой и дает себя обнять. Через минуту подстанцию заполняет его мурлыканье. Дыхание Дианы становится ровным, мускулы расслабляются. Ольвия прижимается к ней и засыпает.

Самый заметный предмет интерьера этого придорожного кафе – кусок потолка, рухнувший на несколько столов в середине зала. Второй по заметности элемент – петля из сетевого фильтра, свисающая с потолочной балки. Она пуста, хоть и покачивается над перевернутым стулом.

Путники садятся за стол у окна, покрытого морщинами мелких трещин. Стекло выдает что-то между звоном и свистом при малейшем движении рядом с ним. Книжник и Ева протирают столешницу, стряхивают каменную крошку и пыль. Ольвия рассматривает листок бумаги, приколотый рядом со стойкой: «Прошу прощения, если Вы нашли меня в петле. В подсобке внизу есть ящик с едой. Пожалуйста, берите». Следуя этой подсказке, она уходит и возвращается с несколькими пакетами в руках. Ева двумя пальцами снимает спутанную паутину с ее волос.

В газовой печи, которая была переделана под мангал, книжник варит суп из концентрата и сухих овощей, найденных в подсобке. Ольвия в это время показывает Еве как правильно пользоваться ножом и вилкой. В доме у книжника она обходилась одной ложкой. Повторяя движения учительницы, девушка режет пустоту над тарелкой, подхватывает ее кусочки и отправляет в рот.

Ольвия говорит, что в округе больше негде будет переночевать. Поэтому они остаются в кафе. Ева, которая съела две порции супа, спит в подсобке, на сложенных стопкой скатертях. Под голову она подложила подушку, выбитую из

сиденья стула. В это время Ольвия и книжник раскладывают на столе самодельную карту и делают на ней новые пометки.

– Я не думаю, что она могла прийти с северо-востока. Никогда не слышала, чтобы там кто-то жил. Непролазные леса. Северо-северо-запад? Там неподалеку побережье, залитое нефтью. На вышке в море вышло из-под контроля оборудование. Вода загрязнена, весь берег залит черным. Я слышала, что несколько общин собирались очистить его. Она может быть одной из них. Или из тех, кто сбежал от нефти, мертвых рыб и испарений подальше. И еще… ты знаешь, что она ходит во сне?

Книжник приподнимает угол карты и достает из-под него стопку салфеток с каракулями. Перед сном Ева пробовала писать левой рукой. Получилось намного лучше, чем правой.

– Знаю.

Может быть, когда-то это был поселок, капля города, которая отпала от него и скатилась по линии скоростной трассы. Теперь здесь нет ничего, кроме камней, стекла и пыли. Они прячутся от дождя в здании, которое напоминает магазин одежды из-за большой стеклянной витрины. Книжник спит, пока Ольвия и Колетт разговаривают, укрытые пыльной гардиной. Уснуть не получается. Повернувшись на бок, женщины пытаются рассмотреть лица друг друга. Им не из чего было сложить костер и темноту отпугивает только одинокая лампа.

– Я почти пришла, – говорит Ольвия. – Завтра утром мы будем на месте.

– Прости, что я не знаю, как правильно разговаривать с тобой об этом.

– Не страшно. Мне хочется просто немного поболтать перед сном, чтобы успокоиться.

Ольвия рассказывает о людях, которых встречала за время своего паломничества. Все они говорили, что мир ломается. Планета гибнет, животные вымирают, люди меркнут. «Как жить со всем этим?», спрашивали они не у нее, а у самих себя. Колетт повторяет за ними. Ольвия думает, что это вопрос к

будущему, но будущего больше нет и нет места для этого будущего. Природа не гибнет, животные вымирали всегда, в этом нет ничего нового, только мир человека становится меньше с каждым сломанным прибором, заросшей бурьяном плантацией и остановленным заводом. Все места, которые скрывал собой человек, открывают себя, открываются себе заново. Пропажа мира людей не сентиментальная сказка, не фото, на котором пропал один из влюбленных и теперь оставшийся обнимает пустоту. Машины засыпают и во сне превращаются в ржавчину. Человечество исчезает, но это не страшно. Так было всегда.

Ольвия отворачивается и некоторое время по ее части гардины пробегают штормовые волны. Потом на их общее одеяло ложится то, что она искала. Часы на длинной цепочке. Ольвия открывает их и протягивает Колетт. Девушке приходится выбраться из-под гардины, чтобы подойти к горящей лампе и внимательно все рассмотреть. В часах лежит фотография молодой женщины, сложенная вчетверо. На месте лица темнеет дыра в форме сердца. Кто-то вырезал этот портрет и хранил у себя.

– Это ведь ты? – спрашивает Колетт.

– Да. Эти часы были со мной, когда я потеряла память. Не знаю, у кого осталось мое лицо… Зато когда-то меня любили и хотели помнить.

В поверхности уличной лужи отражается свет лампы. Дождевые капли разбивают это отражение на мелкие мерцающие точки. Зажатая между расколотым тротуаром и стертой разделительной полосой, лужа похожа сейчас на ночное небо в ускоренной перемотке. Звезды в ней рождаются и умирают меньше чем за секунду.

Игра вторая, разыгранная там, где шепот…

Под травой и насыпным грунтом скрыта контурная карта. Она нарисована стертыми кирпичами, асфальтовыми дорожками, проржавевшими трубами теплотрасс и черепицей. Если рассмотреть то, что скрыто под травой – осколки оконных стекол, дорожную разметку, утонувшие в грунте автомобили, выбеленные временем игрушки – можно вообразить ту жизнь, что протекала здесь раньше.

Пройти три сотни шагов, повернуться на северо-запад и представить под собой несколько этажей. Выглянуть в несуществующее окно и увидеть тонкую иву, которая склоняется у бывшего тротуара. Все это проделывает Юлия, когда книжник предлагает ей такую игру. Она шепчет, что воображает здесь человеческую геометрию зданий. Рисует карту, как в тех книгах с вымышленными городами, выдумывает названия улиц и рассказывает о людях, которых здесь никогда не было. Книжник мягко сжимает ее руку, пока она продолжает говорить. Далеко вперед них Ольвия уже подходит к иве.

Тонкую талию дерева опоясывает круг камней, как сползший к ступням ремень. Ольвия садится рядом и раздвигает траву, чтобы положить на этот пробор рюкзак. Ветер накатывает волнами, заставляет зажмуриться, сгибает ствол ивы и треплет волосы.

Сжимая руку Юлии, книжник уводит девушку в сторону, чтобы дорога к могиле мужа Ольвии была еще дольше. Она продолжает вслух раскрашивать контурную карту выдуманного города.

Трава, поднимающаяся к коленям, кипит под ветром. Книжник и Юлия не слышат слов Ольвии, текущих неразборчивым потоком. Потом ветер выхватывает их и сбегает с добычей за горизонт. В наступившей тишине слышно только как Ольвия обливается слезами.

Пока они приближаются к рыдающей женщине, книжник спрашивает Юлию:

– Я рассказывал, как однажды встретил Смерть?

Смерть

Кто-то уходит, не обронив и горсти слов, без записки, в ночь сезона дождей, чтобы пропасть в темноте. В момент, когда смерть становится необратимой, они уже не помнят себя. Таков их план. Забыться перед концом, чтобы не было страшно. Неравнодушные говорят, что блуждающие по морям великаны из тумана – это покончившие с собой в сезон дождей. Они не верят в это, но продолжают говорить так, чтобы утешить тех, кто остался.

Кто-то не готов сам проститься с теми, кого любит. На руках еще живых остается тело, прямо как в те времена, когда еще не все закончилось. Тогда мертвые хранились в железных картотеках моргов, омывались, приводились в порядок лишь для того, чтобы переместиться в личный ящик из дерева и быть запертыми под полутораметровым слоем почвы. Трагическое недоразумение состояло в том, что из земли получается дурная картотека. Нельзя открыть деревянный ящик, извлечь умершего и, чуть отряхнув, пустить обратно в мир. С почтительностью, которая достойна другого применения, это недоразумение продолжается еще живыми. Пусть и с некоторыми поправками.

Вместо могильного камня, который призван стать меткой мертвеца в земляной картотеке, над местом погребения часто сажают дерево. Многопалые корни сжимают труп в кулаке, пьют соли его внутренностей, минералы костей и жил, мягкую массу увядшего мозга. Те, кто любил и все еще любит умершего, пробуют говорить с деревом. Они воображают, по еще одному недоразумению, что их могут услышать. Надеются на ответ и не получают его. Только во время сильного ветра – когда ветви и листья дрожат так, будто дерево устало быть тем, что оно есть, пытается разобрать себя и собраться во что-то другое, деконструироваться – живые слышат голос. Далекую и тихую речь, которая когда-то запуталась в ветре. Распутанные и заново сплетенные, звучат те же самые слова, который ветер подобрал и унес, чтобы вернуть здесь и сейчас. Все это только попытка сделать из горя историю.

Она идет.

Вот женщина, и на ее руках ребенок. Мальчик, чья кожа покрыта сыпью. Он еще не говорит и едва ли что-то скажет. В худшем случае его жизнь будет дочитана в ближайшие несколько дней, полных мук, слез и отчаяния. Женщина несет его в парк к пруду. Молчащий отец идет рядом. За ним, как плащ на ветру, струится запах алкоголя.

Редкие прохожие не разговаривают с ними. Ударившись о тупой угол чужого горя, они спешат уйти с дороги. Улица заполнена треском радио, в котором едва слышен скомканный мужской голос. Он жалуется, что в его доме живет еще кто-то, кроме него.

У пруда тихо. Деревья вокруг ограждают его от ветра и воплей оборванного электрического кабеля. Женщина аккуратно подносит ко рту ребенка крышечку от флакона, наполненную темно-зеленой жидкостью. Два глотка и она пуста. Мальчик кривится от вкуса, фыркает и выплевывает половину жидкости. Мускулы на его лице собираются в узор плача, но потом медленно расслабляются. Женщина гладит ребенка по волосам и что-то шепчет. Зеленоватая сыпь на коже мальчика бледнеет.

Отец садится на колени рядом. В его руке шприц, полный прозрачного густого препарата. Мужчина замирает и не знает с чего начать. Попрощаться или сделать укол. Он обнимает жену, обнимает сына. Оставляет на каждом пахнущий спиртом поцелуй. Женщина укачивает ребенка, хотя сейчас это не нужно. Дрожащая игла с каплей на кончике входит в узкое плечо мальчика. Врач обещал, что так будет не больно, и это самое важное.

Родители тихо переговариваются, не смотря друг на друга. Мать поднимается с земли, скидывает туфли и идет к пруду. Ребенок в колыбели ее рук дышит медленно и неглубоко. Голой ступней женщина отводит в сторону стебли камышей и опускает ногу в пруд. С каждым шагом вода поднимается, пока не доходит до локтей. Мать замирает, смотрит на поверхность пруда. Маленькие волны бегут от ее тела. Она опускает сына в воду и разжимает объятия.

Малыш что-то лепечет перед тем, как его пятки касаются волн. Вчера ночью женщина сказала мужу, что очень ждет слово. Потому что видела такие сцены в кино, читала в книгах и слышала в песнях. Слово, которое своим произнесением превратит горе в сюжет, который она сможет пересматривать в голове во время ночных сеансов отчаяния. Но слова нет.

Пальчики ребенка исчезают при соприкосновении с водой и оставляют пятно ряски. Чем глубже опускается тело, тем шире становится зеленое полотно. Руки, ноги, спина, грудь, плечи, шея, подбородок, уши, губы, зубы, язык, волосы, глаза, все обращается в ряску. Ручейки обнаженных вен выталкивают в воду мелкие зеленые пластинки. Без мук, судорог и криков.

Она пришла и она милостива.

Женщина аккуратно смывает прилипшие к платью пятнышки ряски. Ее зовут Ольвия. Это не последние похороны, что ей придется пережить.

…становится ветром

—…никто ведь не думал, что Смерть – это не всадник, а его лошадь. Я так и сказал. А конь блед ответил мне, что уже слышал эту шутку. Я спросил, грустит ли он о тех, кого увозит. Он жевал клевер и сделал вид, будто не разговаривает с набитым ртом.

– Это правда? Или одна из историй, которые ты вычитал в книге и не показал мне? Или додумал пропущенные страницы? – Юлия быстро протирает глаза рукавом.

– Надеюсь, у тебя не будет шанса самой спросить у него.

– И что, он один на весь мир? Как успевает?

– Я думаю, что он отвечает за свой участок. Или идет куда глаза глядят, а там как получится.

– А если кто-то умер, а его рядом нет? И других тоже?

– Не знаю.

Ольвия перестала плакать. На сгибе локтя, в котором она прятала лицо, уже подсыхают пятна слез. Рюкзак опустел и осунулся. Размахивая хвостом, Грей тычется носом в ладонь хозяйки.

– Вы здесь?

Ольвия спрашивает это, не поворачивая головы, у ивы, у ветра и даже у моря, которое прячется за горизонтом. Вместо ответа, Юлия кладет ей ладонь на плечо. Ольвия накрывает ее своей и оборачивается. За время, которое она провела наедине с могилой мужа, слезы вымыли из ее глаз все цвета.

– Хотите познакомиться?

Книжник и Юлия садятся рядом с Ольвией. Кот по очереди подставляет спину под их ладони.

– Саша подарил мне красивую тонкую вазу из прозрачного стекла. Сейчас я думаю, что это было единственное, чем он хвастался в жизни. Как он нашел настоящего стеклодува. Как много и долго им пришлось возиться, вымывать и вычищать песок прежде, чем он получился достаточно чистым. Саша подарил мне вазу и поцеловал в щеку. Тогда я впервые и почувствовала, как от него пахнет вином. Сначала запах можно было услышать только при поцелуе, но он рос, разбухал, окутывал его. Саша был хорошим мужем все это время, кроме самых последних дней, когда Йоэль умирал. Он был слишком добрым. Точно говорю. Хотя для него это было сложно. Саша не отличал, где начинается доброта и заканчивается слабость… Мой сын умер, а муж растворился в вине. Мы ушли. Я хотела жить вдалеке от места, где умер Йоэль. Подальше от пруда, в котором он стал ряской. Мы шли дни напролет. Ехали на попутках. Тогда они еще встречались. Запрыгивали в вагоны и ехали до первой остановки. Саша предлагал остановиться, а я хотела бежать еще дальше. В один из дней мы шли особенно долго. Он устал и начал пить еще до вечера. Споткнулся и упал. Что-то зазвенело. Моя ваза… Я попросила взять ее с собой. Она не занимала много места, в ней хранились мои платки и полотенца… Я накричала на Сашу и прогнала. Он ушел. А потом я услышала крик и побежала. Увидела его с проломленной ступней, в которую вцепился старый охотничий капкан. Он кричал, пока я пыталась разжать челюсти, кричал когда я перевязывала рану полотенцем, которое хранила в вазе. У Саши была фляжка с водкой. Я хотела вылить ее на рану, но внутри осталась только пара капель. Вокруг не было никого, кто бы помог. На заправках не нашли аптечек. В придорожных кафе тоже. Я помогала Саше идти, и мы дошли до этого места. Его нога, она… Ему становилось все хуже. Он потерял сознание и больше не нашел его. Прямо здесь он умер. Несколько дней я рыла могилу руками. У меня закончились еда и вода… Неподалеку я нашла ручей, в котором водилась мелкая рыбешка. Мелкая, одни кости. А когда у меня получилось вырыть могилу, мой муж, мой Саша, мой милый, уже…

Ольвия молчит почти минуту. Ветви ивы замерли.

– У меня не было сил и времени, чтобы сделать все хорошо. Ногти обломались, пальцы кровоточили. У меня получилась маленькая и неглубокая яма, куда я смогла убрать тело, только свернув его калачиком. Я пошла обратно к ручью, вверх по течению, мимо охотничьего домика, пока не нашла молодую иву.

Выкопала и принесла сюда. Посадила и полила водой из ручья, чтобы корни росли и были сильными, чтобы обнимать моего мужа под землей.

Тени растворяются в нарастающей темноте. В каждом новом порыве ветра больше холода, чем в предыдущем.

– Ольвия, прости. Надо идти. Успеть найти место, где переночевать. Видишь? Уже темнеет. Ты что-то говорила про охотничий домик? – ладонь книжника сжимает плечо Ольвии.

– Вы говорите на языке деревьев? Есть способ узнать, что меня простили?

Юлия качает головой.

– Я не думаю…

– Вы не слышите? Они шепчут. Вы понимаете?

– Ольвия…

Она не отвечает, вслушивается в перешептывания ветвей и листьев. Кот настойчиво мяукает, пока Ольвия не достает из рюкзака бумажный пакет с самодельным кормом. Набирает горсть и протягивает Грею.

– Хорошо. Пора уходить. Еще минуту. Домик вон там, – она указывает рукой направление. – Идите, я догоню.

Они едва успевают подойти к домику до наступления темноты. Книжник на ходу трясет фонарик, который перестал светить еще в начале пути. В небольшой печке они готовят то, что Ольвия оставила здесь в прошлый раз. Немного гречневой крупы, пакет сушеных овощей и галеты. Почти сразу после еды Юлия засыпает. Книжник незаметно для себя падает в сон, пока перебирает батарейки от неработающего фонарика. Ольвия не спит до рассвета. Она подбрасывает щепки в печь, укладывает в постель Юлию, которая вновь ходит во сне, собирает рассыпанные по полу батарейки и пробует починить фонарик. С первыми нотами птичьего пения лампочка наконец загорается. Чтобы не

разбудить спутников, Ольвия приоткрывает дверь и направляет фонарик в темноту. В трех коротких вспышках она видит волны травы, а в трех длинных – ручей, вдоль которого, медленно перебирая ногами, идет бледный конь. В трех следующих вспышках Ольвия пытается рассмотреть его получше, но жеребец исчез. В уходящей ночи не слышно ни ударов копыт, ни шепота. Только тихое журчание воды.

Падение

Капля срывается с края тряпичного облака. Вокруг нее ничего, кроме серой пелены, она одинока в своем падении. Покидая дом первой из тысячи тысяч, вряд ли она гордится и восхищается своим первенством.

В форме капли ее биография, рассказ о прошлом, о том, что было до того, как она родилась из облака. Как однажды она была тоже каплей, только слитой с другими в маленьком пруду, чья поверхность покрыта широким пятном ряски. И как она стала паром в знойный день, когда ее поднял и унес ветер. И как она собралась обратно в маленький шарик влаги, который сначала замер, как на иголке шприца, а потом рухнул вниз.

В капле рассказ не только о ней самой, но и о времени, спрятанном за шифром настоящего. Но все, что есть сейчас, капля воды, явленная именно тем, что она есть. Она еще не пар, но может стать им, она еще не пот, но может стать им. Настоящая природа капли всегда будет прятаться в каком-то из ее следующих воплощений и навсегда останется тайной. Может быть, ее природа заключена и замкнута в постоянном изменении, в подвижности. Может быть, тайна и есть природа капли.

Когда белесый предел остается позади, перед каплей открывается пустыня приближающегося моря. Как и многие пустыни, эта упирается в тонкую зеленую полоску горизонта, еле видную нить суши. Порыв ветра толкает каплю в сторону и она выскальзывает из готовой схватить ее ладони тумана. Если чуть раньше ее ожидало падение в одну из морских волн, то сейчас она летит туда, где серая влага встречается с песком.

Домики на воде, спрятанные между двух волнорезов, сейчас прямо под каплей. Когда ветер вновь сносит ее, она уже летит к полоскам хлама, который прибоем вынесло на берег. Еще один порыв ветра, земля все ближе. Ландшафт приближается головокружительно быстро. Если бы капля могла, то именно сейчас она бы закрыла глаза.

Ольвия видит как книжник поднимает руку в приветственном жесте, а потом переводит взгляд туда, куда обращена его открытая ладонь. Коротко остриженный мужчина машет в ответ. Четки из мусора скользят от его запястья к предплечью.

Едва заметная капля падает на лоб Ольвии. Спустя мгновение небо ломается пополам, трещина молнии пробегает по нему. Книжник пятится назад и чуть не падает на Мону. Она смотрит в его бледное лицо: сжатые в нитку губы и глаза как у настороженного кота.

– Что с тобой?

– Я боюсь грома. Очень боюсь. Разве не говорил?

Она разводит руки, легко и естественно, и смыкает их у него за спиной. Пока продолжается объятие, мужчина с четками успевает подойти к ним и поздороваться с Ольвией.

– Добро пожаловать в Колыбель приливов, – он поворачивается к книжнику, который неловко выбирается из объятий. – Мы так не договаривались.

Дождь третий

Колыбель приливов

Они сидят кругом, собравшись у подноса с дымящимися чашками чая. Монах протирает линзы рукавом и, чуть щурясь, осматривает собравшихся. Когда туман на очках развеивается, он молча надевает их. Узкие зрачки смотрят прямо на книжника.

– Я вижу, вы ждете, чтобы я начал разговор. Но я слишком хорош в молча…

– Это не по правилам.

– Знаю, но я предупредил об этом.

Конверт с письмом лежит у подноса. Монах молча поднимает его и, выставив перед собой, вскрывает. Откладывает обратно, даже не заглянув внутрь. Грубо ампутированная бумажная боковина падает рядом с подносом.

– Скорость почты – не моя ответственность.

– Вы могли дождаться ответа.

– Не могли.

– Это не по правилам.

Ольвия теперь тоже смотрит на книжника.

– Все отлично, – говорит ей книжник. – Кто-то излишне дорожит своими правилами.

– Они мои. Я их устанавливаю. И могу отказать, если кто-то их не соблюдает.

– Что-то не так? – теперь и Мона повернулась к книжнику.

– Просто капризы. Просьба касается только нее. У Ольвии имя есть. Я его как раз назвал. Мы делаем…

– Фон Силин, – представляется монах.

–…все так, как предусмотрено правилами.

– Которые придумал я.

– Малоизвестный, но занимательный факт, – вступает Ольвия.

– Значит, вы выберете мне имя? – Мона не отрывает взгляд от чашки чая.

Тац-тац-тац, перестукиваются четки вместо ответа.

– Вспоминаете текст? – Ольвия выставляет улыбку напоказ.

– Природа правил и инструкций такова, что они поддерживают порядок вещей, – монах тщательно выговаривает каждое слово. – О котором мы совместно договариваемся. Мы придерживаемся договора о том, что небо наверху, а земля – внизу. Поэтому называем то, что сверху – небом, а то, что внизу – землей.

– Означает ли это… – нараспев начинает книжник, подражая тону монаха.

– Означает ли это, что, нарушив договор, мы изменим положение неба и земли? Нет. Все останется там, где и находится. Либо не останется, но не из-за нарушения договора. Он касается только правил человеческого порядка и согласия о нем. Вещам нет дела до этого, они живут без наших правил и договариваются о собственных.

– Я не понимаю, – Мона выглядит утомленной.

– Все просто, – монах делает глоток чая. – Я предлагаю правила определения самого важного из договоров между людьми – называния. Самостоятельно выбрать имя невозможно. Оно должно быть дано кем-то. С этого все начинается, это первая травма рождения. Имя дарует и тут же отнимается. Потому что оно не для вас, а для других.

– Но я ведь хочу…

– Мужчина справа от вас – редкостный эгоист, который никак не хочет причинить себе эту травму. Не дает другим обратиться к нему самому. Только через абстракцию… – фон Силин кивает на книжника. – В моем понимании он даже еще не родился. Очень самовлюбленный поступок. Может, все-таки попробуешь? Это совсем не больно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ihatov_sergey/sezon-dozhdey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити